

УДК 94(47)

Быкова А.С.¹

АНАЛИЗ МАРКСИСТСКОЙ И ПОСТ-МАРКСИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКОГО УЧЕНОГО Ч.С.Л. ДАНИНГА.

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Bykova A.S.

THE ANALYSIS OF THE MARXIST AND POST-MARXIST INTERPRETATIONS OF THE TIME OF TROUBLES IN RUSSIA IN THE BEGINNING OF THE XVII CENTURY IN THE WORKS OF THE AMERICAN SCHOLAR C. S. L. DUNNING.

Bunin Yelets State University

Реферат: В статье рассказывается о научных вкладах российских ученых в дело изучения событий начала XVII века на основе данных, представленных в работах Ч.С.Л. Даннинга, а также проводится знакомство с проведенным им анализом марксистской и пост-марксистской интерпретаций Смуты. Рассматривая российскую историографию Смутного времени, Даннинг пытается ответить на вопрос: была ли в России в начале XVII века крестьянская война. Или же эта была первая в истории Российского государства гражданская война в поддержку царевича Дмитрия? Особое внимание в статье уделяется научным трудам Р.Г. Скрынникова, который пер-

¹ Быкова Анна Сергеевна – студентка Института истории и культуры Елецкого государственного ун-та им. И.А. Бунина.

вым из российских ученых стал утверждать, что в начале XVII века была не крестьянская, а гражданская война.

Ключевые слова: *Смутное время, крестьянская война, гражданская война, марксистская и пост-марксистская интерпретации, российская историография, восстание Болотникова, восстание Хлопка.*

Abstract: *The article focuses on the scientific contribution of Russian scientists in the study of the events at the beginning of the XVII century on the basis of the data presented in the works of C.S.L. Dunning, as well as an acquaintance with them conducted analysis of the Marxist and post-Marxist interpretations of the Troubles. Considering the Russian historiography of the Time of Troubles, Dunning tries to answer the question: was peasant war in Russia in the beginning of the XVII century. Or was it the first civil war in the history of the Russian state in favour of Tsarevich Dmitry? Special attention is paid to scientific works of R.G. Skrynnikov, who was the first Russian scientists went on to say that in the beginning of the XVII century was not farmer and civil war.*

Keywords: *The Time of Troubles, peasant war, civil war, Marxist and post-Marxist interpretations, Russian historiography, the rebellion of Bolotnikov, the rebellion of Hlopko.*

В истории нашей страны семнадцатое столетие занимает особое место. XVII век – время переломное, наполненное бурными событиями; время небывалых противоречий и контрастов в политической, экономической и духовной жизни общества[6]. Особый интерес ученых-историков, занимающихся

изучением семнадцатого столетия, вызывает период Смуты. Американский профессор Честер Даннинг в своей книге «Первая гражданская война в России» назвал Смуту «одной из самых темных глав в истории России», воспоминания и размышления о которой удивляли и приводили в замешательство многих ученых[11, p.461]. Нам уже

приходилось останавливаться на различных аспектах наследия американского историка .

Долгое время историки, как утверждает Честер Даннинг, считали, что «в основе Смутного времени была социальная революция угнетённых масс против крепостного права» [11, р.3]. И первым ученым, связывающим Смуту непосредственно с закрепощением крестьян в конце XVI века, был В.Н. Татищев (1686-1750). Аналогичной точки зрения придерживался М.М. Щербатов (1733-90). При этом он отметил, что «вымирание древней правящей династии в 1598 году» также способствовало возникновению мятежей в Смутное время «из-за сомнительной легитимности новых российских правителей и стремления народа к законному царю, к старой правящей семье» [11, р.3]. В начале XIX века Н.М. Карамзин (1766-1826) «возложил большую часть вины за Смуту на властолюбивого Бориса Годунова», которого считали причастным к убийству царевича Дмитрия в 1591 году

[3,с.120, 124-125]. Социальное недовольство, по мнению Карамзина, является «фактором беды», однако он не рассматривал Болотникова как «вождя угнетенных масс»[11, р.5]. Главной причиной Смуты Н.М. Карамзин считал иностранную интервенцию. Первым историком, который увидел в Смутном времени борьбу сословий и назвал движение Болотникова социальной войной, был С.М. Соловьёв (1820-79). Анализируя его работу, Даннинг отмечал, что «правильно расценил всевозможных самозванцев во время Смуты как проявления внутренних, а не внешних сил»[9, с.390-391]. Он также считал, что казаки были главной причиной возмущений.

Николай Иванович Костомаров (1817-85), как и С.М. Соловьёв, подчеркивал особую роль казаков в период Смутного времени, законно боровшихся за свою свободу «под знаменами Болотникова» и других предводителей[5, с.637-638]. По мнению В.О. Ключевского (1841-1911), Смута представляла собой

социальный конфликт, который был связан с закрепощением государством различных слоев общества. Само развитие событий Смутного времени, по словам Даннинга, историк рассматривал как «последовательное вхождение в Смуту всех слоев русского общества «сверху вниз» [4, с.29-48, 51,56-57, 60]. «Отличительной особенностью Смуты, - писал Ключевский, - является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов» [11, р. 6]. На высшей ступени этой лестницы стояло боярство, которое, по мнению В.О. Ключевского, и начало Смуту. Поводом к началу Смутного времени, с позиции Ключевского, послужило пресечение династии «со следовавшими затем попытками искусственного её восстановления в лице самозванцев» [11, р. 6].

Идеи В.О. Ключевского творчески развил С.Ф. Платонов, который рассматривал Смуту как сложную социально-политическую борьбу. С точки зрения историка, в основе Смутного времени лежал социальный кризис. «Начальным фактом и ближайшей причиной Смуты», по мнению С.Ф. Платонова, послужило пресечение царской династии в конце XVI века [6, с.31-59, 93]. Как поясняет Даннинг, С.Ф. Платонов разделил период Смутного времени на три этапа. Первый этап связан с династическим кризисом, который был вызван смертью царя Федора Ивановича в 1598 году, и продолжался до короткого правления царя Дмитрия (1605-1606 гг.). Второй этап был периодом «социального кризиса, во время которого Болотников и другие ведут классовую войну в огромной, хаотичной социальной революции (1606-10). И, наконец, последней фазой Смуты была успешная борьба за национальное выживание против иностранной интервенции» [10, р. 6]. Модель Смутного време-

ни С.Ф. Платонова стала доминирующей интерпретацией в западной науке в XX веке и оказала большое влияние на развитие советской историографии.

В XIX в. в марксистской исторической науке вёлся спор о роли крестьянских восстаний в "феодалной эпохе". Карл Маркс считал, что крестьяне неспособны на сознательную революцию ввиду их «наивного монархизма» [11, р. 6]. Поэтому, как пишет Даннинг, многие учёные-марксисты стали рассматривать восстание Ивана Болотникова как «социальный протест низших классов» [11, р. 6]. Некоторые историки отметили, что среди повстанцев было много представителей шляхты и жителей города. Несколько историков-марксистов утверждало, что Болотников был лидером не крестьянских восстаний, а дворянских кавалеристов, восставших против «узурпатора аристократа-царя, Шуйского» [10, р. 6].

В 1850 году Ф. Энгельс в своей книге «Крестьянская война в

Германии» ввел понятие "буржуазная революция", как высшая форма антифеодалной борьбы крестьянства[11, р. 7]. Стараясь применить модель Энгельса к Смутному времени в России, В.И. Ленин заявил о том, что крестьянская война является необходимым условием и новым периодом в истории России, когда начинает развиваться капитализм.

Под влиянием Ф. Энгельса и В.И. Ленина первый крупный советский историк-марксист М.Н. Покровский (1868-1932) и несколько других ранних советских историков стали рассматривать Смутное время «как своего рода буржуазную революцию (или "казацкую революцию", или "крестьянскую революцию")»[10, р. 7]. Как отмечает Даннинг, согласно такой интерпретации, самозванец Дмитрий был «революционным "казацким царем", который привёл низшие классы к полномасштабному нападению» на феодалов[10, р. 7]. Целью восставших, по словам Даннинга, было создание примитивной бур-

жуазной демократии или "казачьей демократии". Сам М.Н. Покровский отвергал теории В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова, рассматривавших Смутное время как социальный конфликт, в который постепенно вступали все слои русского общества сверху вниз. По его мнению, «Смута началась снизу, а не сверху» [10, р. 7]. Покровский также отвергал понятие "Смутного времени" как "буржуазной этикетки", которое использовалось для маскировки классовой войны в начале XVII века. Многие идеи М.Н. Покровского были отвергнуты другими советскими историками, однако его отказ от понятия "Смуты" стал стандартной особенностью советской исторической науки по данному вопросу.

В советское время историки сформулировали новый взгляд на "Смуту", которую теперь понимали как "крестьянскую войну", являющуюся, по словам В.И. Ленина, «высшей формой классовой борьбы в феодальной эпохе» [11, р. 8]. Большой интерес к этой теме про-

являл И.В. Сталин. Как утверждает Даннинг, «он лично восхищался Иваном Болотниковым, хотя и считал его обреченным на провал ввиду наивного монархизма русских крестьян и отсутствия пролетарской поддержки» [11, р. 8]. Во времена Сталина было решено, что восстание Болотникова не должно рассматривать как «реакционное или наивное», а оно должно быть оценено как «прогрессивный, стихийный бунт угнетенных масс, которые "потрясли" феодальное общество и нанесли сильный удар по крепостной системе—ускорение перехода от феодализма к капитализму» [11, р. 8]. Первый подробнейший анализ восстания Ивана Болотникова в сталинскую эпоху был произведен И.И. Смирновым. Он считал, что повстанцы (в основном это были крестьяне и холопы) «воевали за свержение крепостного права и феодального гнета» [11, с.24-27]. И.И. Смирнов не признавал какую-либо связь между Болотниковым и самозванцем Дмитрием, которого он не рассмат-

ривал в качестве орудия иностранного вмешательства, и отрицал особую роль казаков во время Смуты.

В течение 1950-х годов, как пишет Даннинг, А.А. Зимин и другие историки выдвинули идею о том, что восстание Болотникова было только кульминацией "Первой крестьянской войны". Согласно их мнению, восстания Хлопка в 1603 году и Ивана Болотникова, а также казацкие волнения до 1614 года принадлежат к одной «многолетней крестьянской войне» [11, с.97-99].

В продолжение двух следующих поколений марксистские ученые вели бесконечный спор о том, какая из социальных групп – крестьяне, холопы или городская беднота – сыграла наибольшую роль в первой крестьянской войне. В результате долгих дискуссий ученые пришли к выводу, что социальный конфликт, по сути, имел форму борьбы нижних классов против элиты. В 1960-х и 1970-х В.И. Корецким был обнаружен ряд

важных архивных находок, связанных с Иваном Болотниковым и формированием крепостного права в России. Как пишет Даннинг, важным шагом в развитии крепостного права, по мнению Корецкого, являлась отмена в 1590-ых годах Дня святого Георгия (Юрьева дня), когда крестьяне могли уйти от своего феодала. Таким образом, В.И. Корецкий и другие ученые «почувствовали уверенность в своих оценках Первой крестьянской войны как первого массового народного восстания против...крепостного права» [11, р. 9]. В 1967 году Д.П. Маковский пытался возродить концепцию "Смутного времени", разработанную М.Н. Покровским, согласно которой события начала XVII в. трактовались как ранняя форма буржуазной революции, а самозванец Дмитрий считался «вождем революционного плебса и казаков» [11, р. 9]. Однако данная теория не получила поддержки у историков.

В конечном итоге учеными была разработана стандартная мо-

дель Первой крестьянской войны. Согласно официальному описанию она делилась на три периода. Как пишет Даннинг, первый период крестьянской войны длился с 1603 по 1605. Его центральным событием было восстание крестьян и холопов под руководством Хлопка в 1603 г. Разгром восставших привёл к временному спаду движения. Второй этап первого периода охватывает массовое народное движение 1604-1605 гг., которое прошло одновременно с авантюрой самозванца Дмитрия. Демагогические обещания и приход к власти Дмитрия (1605 г.), от которого восставшие ожидали исполнения своих требований, привели к временному ослаблению крестьянской войны. Второй период длился с 1606 по 1607 и был связан с восстанием Ивана Болотникова. Третий период продолжался с 1608 по 1614 гг., «в ходе которого классовая борьба слилась с национально-освободительным движением против иностранной интервенции» [11, р. 9]. Таким образом, советские

учёные воссоздали политически приемлемый вариант Смутного времени.

В 1980-е годы, как утверждает Честер Даннинг, некоторые советские историки начали реабилитировать термин “Смута”, но продолжали воспринимать Смутное время как социальную революцию или крестьянскую войну. Честер Даннинг пишет: «К счастью, в последние годы традиционное толкование Смуты подверглось острой критике» [11, р. 3]. Известный специалист по данному периоду Р.Г. Скрынников в своих последних работах отбросил концепцию крестьянской войны, заменив ее анализом первой в России гражданской войны, проходившей в два этапа: 1604-1605, 1606-1618.

В 1990 г. А.Л. Станиславским было опубликовано важное исследование о казаках в период Смуты, в котором он пришел к тем же выводам касательно границ первой крестьянской войны и значительно большего употребления понятия “гражданская война”, стараясь объ-

яснить смысл событий периода Смутного времени. Анализируя истоки первой в России крестьянской войны, В.И. Корецкий и другие ученые, как утверждает Даннинг, подчеркивали «угнетение и радикализацию крестьянства и холопов к началу XVII века» [11, р. 3]. Напротив, Скрынников и Станиславский рисуют более сложную и суровую картину происходящего. Как и предыдущие исследователи, Р.Г. Скрынников прослеживает истоки Смутного времени вплоть до царствования Ивана Грозного. Как и многие другие ученые, большое внимание он уделяет политике Бориса Годунова, особенно формированию крепостного права, являющемуся, даже по мнению Скрынникова, основополагающей предпосылкой гражданской войны в начале XVII века. Однако Р.Г. Скрынников подходит к этой проблеме намного глубже, чем многие предшествующие исследователи. Крепостничество им рассматривалось как ответ правительства на кризис дворянского ополчения, из-

за роста которого «фонд имеющихся земель и крестьянских душ для раздачи царской коннице уменьшался, что привело к сокращению земельных пожалований (с меньшим количеством и крестьян) и общему обеднению низших слоев дворян» [1, с. 22]. Мелкие помещики, особенно боярские дети, разорялись и полностью «выпадали из рядов правящего класса» [1, с. 22]. По мнению Скрынникова, это обеднение является важным фактором в Смуте.

Большое внимание Р.Г. Скрынников уделил холопам, участвовавшим в гражданской войне. «Традиционно рассматриваемые как "люди" и "антифеодально" настроенные крестьяне», многие из них, действительно, «являлись верхушкой боевых холопов - включая нередко и бывших детей боярских» [1, с. 22]. В начале XVII в. много их служило в дворянском ополчении. Холопы же, которые были изгнаны своими хозяевами в голодные годы, бежали на юг и присоединялись к казакам. Станиславский и Скрын-

ников уделили много внимания казакам. Они отмечали, «что при распространении крепостничества в центральной России южные приграничные степи были еще свободными и как магнит притягивали крестьян и холопов, бежавших от угнетения. Многие из них пополнили ряды казаков, но те рекрутировались не только за счет беглых из низших слоев общества» [1, с. 23]. Казаки представляли собой смешанную группу, в состав которой входили многие разорившиеся помещики и военные послужильцы. Царь Борис Годунов понимал, что ратификация крепостного права в России невозможна, пока казацкие приграничные земли остаются свободными. Поэтому он пытался подчинить себе земли казаков, однако столкнулся здесь с ожесточенным сопротивлением. Казачество, по словам Даннинга, являлось важным участником первой гражданской войны в России.

В последних работах Р.Г. Скрынникова рассматриваются социальные волнения в начале XVII

в. и самим фактическим материалом ставится под сомнение традиционное понимание Первой крестьянской войны. На основании исследований Скрынникова можно задаться вопросом, была ли на самом деле крестьянская война в 1603 - 1605 годах. Как считает Даннинг, чтобы дать ответ на него, необходимо тщательно рассмотреть одно из главных событий этого периода - восстание Хлопка, которое часто считают началом Первой крестьянской войны.

В 1990-е годы Р.Г. Скрынников уделил много внимания данной теме и пришел к выводу, что выдвинутая гипотеза Зимина об участии крестьян в восстании Хлопка не имеет оснований, и «нет реальных причин связывать различные акты грабежа и мародерства в период голода с восстанием Хлопка или рассматривать его как массовое и имеющее широкий характер» [1, с. 23]. Скрынников отмечает роль военных холопов в этих грабежах. Как утверждает Даннинг, он ставит под сомнение их "антифеодальные"

настроения и приходит к выводу, что нет оснований считать восстание Хлопка Косолапа началом первой в России крестьянской войны. Согласно традиционному толкованию Первой крестьянской войны, после того, как восстание Хлопка было подавлено, в ней наблюдался временный спад.

Вторая фаза первого периода, как поясняет Даннинг, совпала с борьбой царевича Дмитрия за русский престол. По мнению В.И. Корецкого и других ученых, Дмитрий удалось занять трон «на волне крестьянской войны» [1, с. 23]. Мятежники требовали отмены крепостного права и "феодальной системы". Подразумевается, что авантюрист Дмитрий дал много "антифеодальных" обещаний, чтобы использовать восстание крестьян, направленное не столько в его поддержку, сколько против феодальных отношений. Согласно мнению К.В. Чистова и других исследователей, «народная социально-утопическая легенда о бегстве Дмитрия из Углича в 1591 г.» и его возвращении в роли

освободителя народных масс от крепостничества и феодального гнета сложилась еще до его похода, что объясняет массовую поддержку его борьбы за трон[1, с. 23].

При таком понимании событий возникают серьезные вопросы. Несмотря на то, что успеху кампании Дмитрия, бесспорно, способствовал «социальный кризис в изнуренной голодом России», не имеется свидетельств того, что это восстание было крестьянской войной против крепостничества, которой воспользовался Дмитрий[1, с. 24]. С точки зрения Даннинга, это было народное восстание в его поддержку, и, вопреки доказательствам Чистова, оно не являлось следствием распространения «народной социально-утопической легенды о Дмитрии перед его вторжением в Россию в 1604 году» [1, с. 24].

Также отсутствуют доказательства и того, что повстанцы требовали отмены крепостного права или "феодального порядка". Возмущение низших классов пошло на пользу Дмитрию, однако его обе-

щения наградить своих последователей не включали отмену крепостничества и не адресовались в первую очередь низшим сословиям. Сосредоточение внимания на участии крестьян и холопов, которые преследовали "антифеодальные", социально-утопические цели, сильно исказило представления о гражданской войне при Дмитрии. Как утверждает Даннинг, крестьяне не являлись основной силой движения, направленного в поддержку царевича Дмитрия; городские мятежи и восстания в южных приграничных районах, где мало проживало крестьян, были тогда гораздо более важными.

Нечто схожее с настоящим крестьянским восстанием, как поясняет Честер Даннинг, было в Комарицкой волости, однако его участниками являлись преуспевающие крестьяне. Не имеется оснований также рассматривать городские бунты в поддержку царевича Дмитрия как "антифеодальные" восстания низших классов. По словам Скрынникова, дворяне, дети

боярские и другие служилые люди часто были зачинщиками таких бунтов. «Что касается холопов, многие из собравшихся под знаменами Дмитрия были военные послужильцы - разорившиеся помещики, которые не поддерживали свержение "феодального порядка"; их участие в восстании вплотную связано с кризисом дворянского ополчения» [1, с. 24].

По утверждению Даннинга, основной силой Дмитрия в достижении победы были донские казаки. Однако они, по словам Станиславского, не социальные революционеры, некоторые из них были наивными монархистами. Другие же оказались достаточно умными, чтобы использовать поход Дмитрия против посягательства на их территорию и свободу. Многие из них просто искали чинов и жалования. Поэтому бунты, которые проходили в поддержку Дмитрия, не были антифеодальными или социально-утопическими. Гражданская война объединила самые различные социальные слои и, по словам Скрын-

никова, период борьбы Дмитрия за трон не являлся второй стадией крестьянской войны.

Согласно традиционному истолкованию первой в России крестьянской войны, в ней после воцарения Дмитрия наступило затишье. Во время правления царя Дмитрия с 1603 по 1605 г. никакой крестьянской войны не велось. Второй период Первой крестьянской войны начался годом позже, весной 1606 года. А как же с самим восстанием Болотникова? Являлось ли оно крестьянской войной, как утверждают советские историки?

По мнению С.Ф. Платонова, «вторая фаза Смуты, период "социальной борьбы" начался весной 1606 г. с убийства царя Дмитрия и захвата власти Василием Шуйским» [1, с. 25]. Это привело к восстанию многих городов и южных районов против Шуйского на стороне Дмитрия. По словам Даннинга, этой же точки зрения придерживается и Смирнов. Корецкий же и другие исследователи пытались связать восстание Ивана Болотни-

кова с крестьянской войной, якобы бушевавшей с 1603 года. Вадим Корецкий считал, «что Дмитрий незадолго до своей гибели стоял перед проблемой надвигающегося крестьянского восстания» [1, с. 25]. На самом деле, как утверждает Даннинг, убийство Дмитрия и нужно рассматривать как решающий толчок к восстанию Болотникова.

Считая Дмитрия авантюристом, использовавшим народные массы в целях достижения власти и затем их предал, чтобы управлять страной в интересах дворян, Вадим Корецкий доказывал, что царь Дмитрий весной 1606 г. «неожиданно изменил свой политический курс, чтобы умиротворить крестьян» [1, с. 25]. Подразумевалось, что якобы назревало восстание против Дмитрия и "феодалного порядка" в целом, что заставило царя строить планы касательно отмены крепостного права. В изображении Корецкого мы видим перепуганного Дмитрия, собирающегося восстановить право крестьян уходить от своих владельцев в день святого

Георгия (Юрьев день), однако был убит боярами прежде, чем смог реализовать столь радикальную политику. Но это убийство, по мнению Даннинга, лишь обострило крестьянскую войну.

На что ссылается В.И. Корецкий, доказывая, что царь Дмитрий собирался менять свою социальную политику весной 1606 года? Он смог привести лишь один документ ("Сводный судебник"), который не имеет ни даты, ни подписи, касающейся восстановления Юрьева дня. Но если В.И. Корецкий представил, хоть и очень слабые, доказательства того, что царю Дмитрию необходимо было задобрить массы, то "Сводный судебник", с позиции Даннинга, «сам по себе не добавляет достаточных данных в пользу его построений» [1, с. 26]. К тому же не все советские историки считали Сводные судебник", так или иначе отражающим позицию Дмитрия или хотя бы принадлежащего к периоду его царствования.

Доказать, что Дмитрий видел угрозу крестьянского восстания, Корецкому явно не удалось. «Хотя многие историки недоброжелательно относятся к Дмитрию, на самом деле он был довольно популярным правителем в тот момент, когда его убили приспешники Шуйского» [1, с. 26]. На самом деле убийство царя Дмитрия является ключом к действительному пониманию Смуты, гражданской войны, бушевавшей с 1606 по 1612 г. и едва не уничтожившей Россию.

По мнению Даннинга, убийство Дмитрия стало последним толчком к восстанию Ивана Болотникова. Но было ли оно продолжающейся крестьянской войной против крепостного права? Несомненно, разгул восстания на местах был вызван закрепощением и глубоким социальным кризисом, которые ухудшали положение. Многие повстанцы были крепостными и холопами. Однако, как утверждает Даннинг, среди восставших было много дворян и боярских детей, а они не были заин-

тересованы в отмене крепостного права. Что касается крестьян, да, они приняли участие в восстании, однако вовсе не являлись его основной силой. Что-то наподобие настоящего крестьянского восстания вспыхнуло лишь в Комарицкой волости, той самой, где в 1604 - 1605 гг. состоятельные крестьяне поднялись на защиту царевича Дмитрия, но были жестоко наказаны армией Бориса Годунова. Но их участие в восстании Болотникова, по словам Даннинга, можно объяснить чем-то иным, кроме закрепощения. В действительности крепостное право было лишь фактором той гражданской войны. Однако советские учёные предприняли огромные усилия для того, чтобы представить поход Ивана Болотникова против Василия Шуйского как "антифеодальный". Для этого, как сообщает Честер Даннинг, основное внимание они уделили составу и поведению армий повстанцев. Нам известно, что осенью 1606 г. на Москву шли две повстанческие армии. «Одну возглавлял Болотни-

ков, другую помещик из Тулы Истома Пашков, к которому позже присоединился дворянин Прокофий Ляпунов со своим рязанским ополчением» [1, с. 27].

Считалось, что армия Ивана Болотникова состояла из радикально настроенных низов. Напротив, армия Истома Пашкова рассматривалась в основном как "дворянское" войско, а сам Пашков - как яркий представитель дворян и детей боярских в стане восставших. «В Болотникове же, бывшем холопе, видели социального революционера, решившегося отменить "феодалные порядки"» [1, с. 27]. Согласно этой версии, армия Истома Пашкова по пути в Москву обращалась с захваченными в плен дворянами "по закону", иной раз даже отпускала их на свободу. В этом они видели признак классовой солидарности, которая объединяла русских дворян. «Армия же Болотникова произвела много казней противников-дворян и намеревалась искоренить феодалов» [1, с. 27]. По словам американского историка,

«внимательное исследование состава этих армий Скрынниковым показывает, что они являлись приблизительно одинаковыми по характеру» [1, с. 28]. Во-первых, две повстанческие армии и их вожди не были столь различны, как считают некоторые учёные. Во-вторых, обе армии включали в свой состав различные социальные элементы. «Фактически эти две армии были совершенно идентичны тем повстанческим силам, на которые опирался Дмитрий в борьбе за престол» [1, с. 28]. Что касается предводителей восставших, то Иван Болотников, которого многие историки считали холопом, на самом деле являлся беглым военным послужильцем, возможно, из мелких помещиков. Истома Пашков не был представителем знатного рода Как утверждает Честер Даннинг, он являлся мелким помещиком и, вероятно, имел связи среди казаков.

Обе повстанческие армии, как выясняется, вели себя примерно одинаково. «Армия Пашкова не была уж очень законопослушной и

произвела несколько казней дворян, детей боярских и богатых купцов, поддерживавших Шуйского» [1, с. 28]. По словам Скрынникова, освобождение некоторых пленных являлось, скорее всего, необходимостью избавиться от лишней обузы, а не с классовой солидарностью. Армия Ивана Болотникова, якобы более радикальная, действительно казнила нескольких господ, но чего-либо похожего на волну казней не было. «Дворяне и дети боярские, находившиеся в повстанческих армиях, воспринимали эти меры против сторонников Шуйского не как классовую войну с "феодалными господами", а как расправу со своими врагами» [1, с. 28].

Наиболее важным источником, используемым историками в подтверждение концепции крестьянской войны, являются письма Болотникова, где он призывает московскую бедноту к восстанию. Однако, ни одно из этих зажигательных писем не сохранилось. «Имеются лишь немногие документы со ссылками на эти письма,

причем составленные явно в интересах или под влиянием энергичной пропагандистской кампании Шуйского против мятежников как опасных социальных революционеров» [1, с. 28]. В целях укрепления своей шаткой опоры, Василий Шуйский не стеснялся прибегать к лжи. Поэтому, как утверждает Даннинг, нет никаких оснований принимать как данное концепцию Первой крестьянской войны, которая основана большей частью на пропагандистских заявлениях царя Шуйского.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что рубеж XVI-XVII столетий представляет собой один из самых сложных для изучения и понимания периодов в истории России и требует всестороннего исследования его событий. Согласно утверждению Даннинга, марксистские учёные ошибочно рассматривали Смуту с классовой позиции, называя её первой крестьянской войной. Следует также подчеркнуть, что для советских историков одним из

важнейших моментов в истории крестьянства и его борьбы против феодального гнёта является восстание Болотникова, открывающее собой цепь крестьянских войн в России XVII-XVIII вв. При изучении истоков «Первой крестьянской войны», как пишет Даннинг, «марксистские ученые подчеркивают...радикализацию русских крестьян и рабов в начале XVII века» и, концентрируя свое внимание на долгосрочных социальных причинах, связывают начало Смутного времени «с бурным правлением царя Ивана IV (1547-1584 гг.) и закрепощением русских крестьян» [10, р. 3]. Однако односторонность такого подхода препятствовала полному изучению истории политической борьбы в Российском государстве в период Смутного времени. Всесторонний же анализ событий начала XVII века позволил учёным утверждать, что Смута была не социальной революцией против крепостного права, а первой в России гражданской войной. Не будучи противостоянием двух

классов (крестьянства и дворянства), она «породила раскол по вертикали, идущей через несколько слоев российского общества» [11, р. 3]. По мнению Даннинга, гражданская война - это народное восстание в поддержку царевича Дмитрия, претендовавшего на трон, которое «объединило различные элементы российского общества» и вовсе не было направлено на уничтожение крепостной системы [11, р. 4]. Восставшими не двигала (как думали раньше) «социально-утопическая» легенда о царевиче Дмитрие как о «возвращающемся освободителе» народа от крепостничества [9, р. 4]. Прежде всего, они были православными христианами, именно вера побуждала их к тому,

чтобы рискнуть бросить вызов Годунову и Шуйскому, которых они считали незаконными царями. Тщательный анализ периода, предшествующего Смутному времени, показывает, что первая гражданская война в России имела комплексные причины и не была простым следствием введения крепостного права. Крепостничество, несомненно, сыграло роль в возникновении гражданской войны, но эта роль была не такой, как считала традиционная марксистская историография. Поэтому, как утверждает Даннинг, необходим полный пересмотр роли социально-экономических и других факторов, которые повлияли на зарождение Смутного времени.

Список литературы

1. Даннинг Ч. Была ли в России в начале XVII в. Крестьянская война // Вопросы истории. - 1994. - №9. – С.21-34.
2. Зимин А.А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории. 1958. - № 3. - С.97-99.

- 3.Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т.11. - Спб: Типография Н. Греча, 1824. – 477 с.
- 4.Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Собр. соч. в 9 т. Т.3. - М.: Мысль, 1988. – 416 с.
- 5.Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. - М.: Чарли, 1994. – 804 с.
- 6.Ляпин Д.А. Ритуалы власти: очерки социально-политической истории России раннего нового времени. М.: «Верстовой», 2014.
- 7.Ляпин Д.А., Быкова А.С. Влияние Смутного времени начала XVII в. на Русскую Православную церковь и духовную жизнь общества в работах американского ученого Ч.С.Л. Даннинга // Молодежь в науке: Новые аргументы: Сборник научных работ IV-го Международного молодежного конкурса. Часть II. Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2016. С. 28-33.
- 8.Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. - М: Памятники исторической мысли, 1995. – 481 с.
- 9.Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. – М.: Политиздат, 1951. – 588 с.
- 10.Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Т.7–8 / Отв.ред.: Иванов Н.А. - М.: Голос, 1994. – 758 с.
- 11.Dunning Ch.S.L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. - Pennsylvania, 2001. – 657 p.

References

- 1.Danning Ch. By'la li v Rossii v nachale XVII v. Krest'yanskaya vojna // Voprosy' istorii. - 1994. - №9. – S.21-34.
- 2.Zimin A.A. Nekotory'e voprosy' istorii Krest'yanskoj vojny' v Rossii v nachale XVII veka // Voprosy' istorii. 1958. - № 3. - S.97-99.
- 3.Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo: v 12 t. T.11. - Spb: Tipografiya N. Grecha, 1824. – 477 s.

4. Klyuchevskij V.O. Kurs lekcij po rusškoj istorii // Sobr. soch. v 9 t. T.3. - M.: My'sl', 1988. – 416 s.
5. Kostomarov N.I. Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya. - M.: Charli, 1994. – 804 s.
6. Lyapin D.A. Ritualy' vlasti: ocherki social'no-politicheskoj istorii Rossii rannego novogo vremeni. M.: «Verstovoj», 2014.
7. Lyapin D.A., By'kova A.S. Vliyanie Smutnogo vremeni nachala XVII v. na Russkuyu Pravoslavnuyu cerkov' i duxovnuyu zhizn' obshhestva v rabotax amerikanskogo uchenogo Ch.S.L. Danninga // Molodezh' v nauke: Novy'e argumenty': Sbornik nauchny'x rabot IV-go Mezhdunarodnogo molodezhnogo konkursa. Chast' II. Lipeck: Nauchnoe partnerstvo «Argument», 2016. S. 28-33.
8. Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty' v Moskovskom gosudarstve XVI-XVII vv. - M: Pamyatniki istoricheskoj my'sli, 1995. – 481 s.
9. Smirnov I.I. Vosstanie Bolotnikova 1606-1607. – M.: Politizdat, 1951. – 588 s.
10. Solov'yov S.M. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. T.7–8 / Otv.red.: Ivanov N.A. - M.: Golos, 1994. – 758 s.
11. Dunning Ch.S.L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. - Pennsylvania, 2001. – 657 p.